12+

Последний вздох Америки

Архитектура глобального доминирования

Дмитрий Герег

Дмитрий Герег

Последний вздох Америки. Архитектура глобального доминирования

«Издательские решения»

Герег Д.

Последний вздох Америки. Архитектура глобального доминирования / Д. Герег — «Издательские решения»,

Что происходит, когда сверхдержава выигрывает любые войны, но теряет способность управлять миром? Фундаментальное исследование трансформации американской гегемонии — от послевоенного проектирования глобального порядка до неизбежного тупика однополярности. Книга раскрывает, как экономика, нефтяные кризисы, военная логистика и подъем новых центров силы меняют расстановку сил на планете, и объясняет, почему закат империи не означает ее гибель.

© Герег Д.
© Издательские решения

Содержание

Пролог 6
Часть I. Как рождаются гегемоны 8
Глава 1. Страна, которой повезло с географией 8
Глава 2. Как война сделала Америку индустриальной державой 14
Глава 3. Рождение американского капитала 18
Часть II. Америка выходит из континента 25
Глава 4. Первая настоящая имперская Америка 25
Глава 5. Доктрина Монро 31
Часть III. 1914—1945 — Момент, когда мир переворачивается 36
Глава 6. Великий трансфер мировой финансовой гегемонии 36
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Последний вздох Америки
Архитектура глобального доминирования

Дмитрий Герег

© Дмитрий Герег, 2026

ISBN 978-5-0071-7497-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Феномен американского могущества в современной мировой системе представляет собой уникальный объект для исторического и политологического исследования. В отличие от классических империй прошлого — от Римской и Османской до Испанской и Британской — Соединённые Штаты сформировали глобальный порядок, принципиально избегая институционального использования термина «империя». Британская корона официально провозглашала прямой контроль над колониальными территориями, назначала вице-королей и генерал-губернаторов и открыто строила геополитическую идентичность на концепции империализма. Соединённые Штаты после Испано-американской войны 1898 года избрали принципиально иной вектор: вместо прямого территориального аншлюса Вашингтон сосредоточился на формировании международно-правовых, финансовых, технологических и военных институтов, которые обеспечивали американское преобладание без необходимости постоянного физического присутствия оккупационной администрации.

В политологической литературе этот феномен часто описывается как Pax Americana или структура «расширенной гегемонии». Однако глубокий политэкономический анализ показывает, что американское глобальное превосходство представляет собой не монолитную конструкцию, а сложную многоуровневую систему, складывавшуюся на протяжении полутора столетий. Эта система состоит из пятнадцати фундаментальных элементов, формирующих строго определённую иерархию.

Первичный базис системы составляет естественная география — уникальная континентальная изолированность, защищённая Атлантическим и Тихим океанами, в сочетании с богатейшими природными ресурсами и связывающей внутренний рынок речной системой Миссисипи. На этом фундаменте в ходе Гражданской войны 1861—1865 годов и последующей индустриализации возник мощный промышленный потенциал и произошла колоссальная концентрация частного банковского капитала.

Следующим этапом стало формирование внешней финансовой и институциональной архитектуры. Соглашения в Бреттон-Вудсе 1944 года и последующая трансформация валютной системы в 1970-х годах превратили доллар из национальной денежной единицы в базисную валюту международных расчётов, мировых резервов и рынков энергоресурсов. Финансовое доминирование было подкреплено созданием глобальной инфраструктуры безопасности: океанского военно-морского флота, сети военных баз, альянса НАТО и двухсторонних пактов о взаимопомощи в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

На верхних этажах этой пирамиды расположились разведсообщество, технологический сектор, ведущие исследовательские университеты, транснациональные корпорации и инструменты культурного влияния. Наконец, вершиной американской гегемонии стала способность устанавливать универсальные международные нормы и институты таким образом, чтобы остальной мир воспринимал американские правила игры как естественный, нейтральный и рациональный порядок вещей.

Главное преимущество подобной архитектуры заключалось в её высокой эффективности и относительно низких издержках поддержания. Державе-гегемону не требовалось удерживать под прямым управлением иностранные территории; достаточно было контролировать ключевые узлы глобальной системы — финансовые потоки, морские коммуникации, технологические стандарты и институциональные рамки.

Однако фундаментальная проблема любой многоуровневой системы заключается в динамической взаимозависимости её элементов. Ослабление или деградация одного уровня неизбежно перекладывает повышенную нагрузку на соседние. Если промышленный базис смещается в другие регионы мира, а институциональная легитимность международных правил

подвергается сомнению, держава-гегемон оказывается вынуждена все чаще применять прямые методы давления — финансовые санкции, экономический протекционизм и прямую военную силу.

Настоящее исследование не ставит своей целью доказать неизбежность скорого падения Соединённых Штатов или, напротив, обосновать их абсолютную непотопляемость. В исследовательской практике подгонка фактов под априорно заданный вывод неизбежно снижает научную ценность работы. Задачей данной книги является последовательный анализ того, как именно создавался каждый из пятнадцати элементов американского могущества, какие исторические механизмы обеспечили его функционирование, где пролегают его критические уязвимости и как трансформируется эта глобальная система в условиях современного геополитического и экономического кризиса.

Часть I. Как рождаются гегемоны

Глава 1. Страна, которой повезло с географией

Любой масштабный геополитический анализ мировой системы неизбежно сталкивается с принципиальным тезисом: политическая и экономическая архитектура любого государства возводится на фундаментальном базисе, заданном географией. В классической геополитической традиции — от Альфреда Мэхена и Хэлфорда Маккиндера до Николаса Спикмена — географическое положение рассматривается не как статический фон истории, а как ключевая константа, определяющая пределы внешнеполитических возможностей, издержки на обеспечение национальной безопасности и потенциал экономического роста. В случае Соединённых Штатов Америки мы имеем дело с уникальным в истории человечества совпадением пространственных, гидрографических, климатических и геологических факторов, которые заложили почти идеальный фундамент для формирования будущего глобального гегемона.

Американская гегемония возникла не исключительно благодаря институциональному устройству, идеологии или предпринимательскому духу, хотя эти элементы сыграли важную роль на более поздних этапах. В своей основе она опиралась на беспрецедентное преимущество географического стартового капитала. Чтобы понять, как Соединённые Штаты смогли построить экономическую и военную систему глобального масштаба, необходимо последовательно разобрать каждый из элементов их географического фундамента.

1. Островная защищенность: Атлантический и Тихий океаны

Главным стратегическим активом США на протяжении XVIII и XIX веков являлось то, что политологи называют континентальной изолированностью или «островным положением в континентальном масштабе». Будучи зажатыми между Атлантическим океаном на востоке и Тихим океаном на западе, Соединённые Штаты получили водную преграду шириной в тысячи километров, отделявшую их от главных центров мировой силы и военных конфликтов того времени — Евразии и Европы.

В XIX веке, когда европейские державы были вынуждены расходовать колоссальные доли своего национального продукта, государственного бюджета и человеческих ресурсов на поддержание огромных сухопутных армий для защиты протяжённых и уязвимых сухопутных границ, США находились в уникальной ситуации. Атлантический океан превратил потенциальную военную угрозу со стороны ведущих европейских империй в чрезвычайно сложную логистическую задачу для любого возможного агрессора. Переброска, снабжение и поддержание крупного экспедиционного корпуса через Атлантику в эпоху парусного, а затем и парового флота требовали несоразмерных затрат и рисков. Это дало Соединённым Штатам фундаментальное финансово-экономическое преимущество: структурную экономию на расходах на оборону.

В течение большей части XIX века США могли позволить себе содержать символическую постоянную армию, исчислявшуюся десятками, а не сотнями тысяч человек. Капитал, который в Пруссии, Франции, Австро-венгрии или Российской империи направлялся на казарменное содержание и перевооружение миллионных сухопутных сил, в Америке оставался в частном секторе, направлялся на строительство железных дорог, освоение земель, развитие образования и капитализацию банковской системы.

Тихий океан, в свою очередь, гарантировал безопасность западного фланга на этапе формирования государства. До тех пор, пока Япония не модернизировалась в конце XIX века, на противоположном берегу Тихого океана не существовало ни одной военной силы, способ-

ной проецировать мощь на американское побережье. Таким образом, Соединённые Штаты получили уникальную возможность развиваться внутри естественного «стратегического рва», созданного двумя океанами.

2. Отсутствие равного соперника на континенте

Второе ключевое преимущество, вытекающее из географического положения США, заключается в отсутствии геополитического баланса сил внутри самого Североамериканского континента.

Европейская история на протяжении пятисот лет определялась феноменом постоянной конкуренции между несколькими сопоставимыми по силе державами: Францией, Англией, Священной Римской империей (позже Германией), Австрией, Испанией и Россией. Ни одна из этих стран не могла добиться полного господства на континенте, поскольку любое усиление одной державы мгновенно провоцировало создание коалиции остальных против неё. Это порождало бесконечную цепочку истощающих войн — от Тридцатилетней и Семилетний до Наполеоновских и войн за наследства.

В Северной Америке Соединённые Штаты после ликвидации британского и французского присутствия и завершения войны с Мексикой 1846—1848 годов (зафиксированного договором Гвадалупе-Идальго) оказались в ситуации полного геополитического вакуума вокруг своих границ:

На севере располагалась Канада — редконаселённая территория, находившаяся под контролем Великобритании, с которой после Соглашения Раша — Бэгота 1817 года началась демилитаризация Великих озер и границ. Со временем Канада превратилась в дружественного и экономически зависимого соседа.

На юге находилась Мексика — государство, ослабленное внутренней политической нестабильностью, сложным горным рельефом, отсутствием развитой внутренней инфраструктуры и потерявшее в середине XIX века почти половину своей территории в пользу США.

В результате Соединённые Штаты стали единственной сверхдержавой собственного континента. Им не нужно было держать войска на границах для предотвращения внезапного вторжения равного по силе соседа. Это абсолютное континентальное доминирование позволило США сформировать то, что впоследствии стало доктриной Монро: объявить всё Западное полушарие зоной своих стратегических интересов, где появление любых внешних европейских сил рассматривалось как угроза национальной безопасности.

3. Гидрографический двигатель: Миссисипская система

Если океаны обеспечили США внешнюю безопасность, то внутренний гидрографический каркас сформировал основу их экономического единства. Главным географическим артефактом Североамериканского континента является бассейн реки Миссисипи.

Бассейн Миссисипи представляет собой крупнейшую в мире связную систему судоходных внутренних водных путей. В неё входят такие мощные притоки, как Огайо, Миссури, Арканзас и Ред-Ривер. В совокупности эта система образует более 23 тысяч километров естественных судоходных путей, пронизывающих всю центральную часть континента — от Аппалачей на востоке до Скалистых гор на западе и от Великих озер на севере до Мексиканского залива на юге.

Экономическое значение этой гидрографической сети в XVIII и XIX веках невозможно переоценить. В эпоху, предшествовавшую созданию железных дорог, сухопутный транспорт был невероятно дорогим. Перевозка зерна или угля на телеге на расстояние в 100 километров могла удвоить его конечную стоимость, делая экспорт абсолютно нерентабельным. Водный же транспорт обеспечивал минимальные издержки на единицу массы перемещаемого груза.

Миссисипская система решила сразу три фундаментальные задачи развития молодой американской республики:

Интеграция аграрного пояса. Фермеры Великих равнин и Среднего Запада получили возможность сплавлять урожай по рекам прямо к порту Нового Орлеана, откуда он отправлялся на экспорт в Европу или на восточное побережье США.

Снижение издержек обращения. Низкие транспортные расходы позволяли американским товарам оставаться конкурентоспособными на международных рынках даже с учётом высокого уровня зарплат в США.

Политическая консолидация. В отличие от Европы, где речные системы (Рейн, Дунай, Эльба) пересекают границы множества соперничающих государств и исторически порождали таможенные барьеры и конфликты за устья рек, весь бассейн Миссисипи оказался под контролем единого государства. Это предотвратило балканизацию центральной части континента.

4. Аграрный потенциал и Великие равнины

Географическое везение Соединённых Штатов проявилось и в структуре их почвенно-климатических зон. Центральная часть США — Великие равнины и Средний Запад — представляет собой один из самых обширных и непрерывных массивов плодородных земель на планете.

Комбинация глубоких чернозёмных почв, благоприятного температурного режима и достаточного количества осадков создала условия для формирования так называемого «Кукурузного» и «Пшеничного» поясов. В отличие от большинства европейских стран, где аграрный сектор на протяжении веков сталкивался с проблемой малоземелья и высокой плотности населения, Америка обладала колоссальным избытком земли.

Это привело к формированию уникальной модели сельского хозяйства:

Высокая производительность труда. Избыток земли при относительном дефиците рабочей силы стимулировал раннюю механизацию сельского хозяйства. Именно в США появились массовые механические жнейки Сайруса Маккормика, стальные плуги Джона Дира, а затем и тракторостроение.

Продовольственная автономия. Соединённые Штаты с самых ранних этапов своего существования полностью обеспечивали себя продовольствием и превратились в крупнейшего мирового экспортёра сельхозпродукции. Это обеспечивало устойчивый приток золота и иностранной валюты за счёт экспорта пшеницы, кукурузы и хлопка.

Высвобождение рабочей силы. Высокая эффективность аграрного сектора позволила быстро урбанизировать страну: относительно небольшой процент населения, занятого в сельском хозяйстве, мог прокормить быстро растущие промышленные города Восточного побережья.

5. Минеральносырьевой базис: уголь, железная руда и нефть

Индустриальная революция требует не только продуктов питания для рабочих, но и фундаментальных полезных ископаемых: угля, железной руды и энергоресурсов. И здесь геологическое строение территории США предоставило индустриальному развитию беспрецедентный потенциал. В XIX веке Соединённые Штаты обнаружили на своей территории уникальное пространственное сочетание важнейших компонентов металлургического производства:

Аппалачский угольный бассейн

Огромные запасы высококачественного коксующегося и энергетического угля, залегающие на относительно небольшой глубине в штатах Пенсильвания, Западная Виргиния, Огайо и Кентукки. Аппалачский уголь стал энергетическим двигателем американской индустриализации.

Железорудный район Месаби

Расположенный в штате Миннесота, неподалёку от озера Верхнего, этот район содержал колоссальные залежи высокообогащенной железной руды, залегавшей практически у поверхности, что позволяло вести добычу наименее затратным открытым способом.

Конструктивное преимущество США заключалось в том, как эти ресурсы были связаны между собой. Руда Месаби транспортировалась на большегрузных судах по Великим озерам прямо к угольным бассейнам Пенсильвании и Огайо. На пересечении этих двух транспортных и ресурсных потоков возник крупнейший в мире металлургический кластер: Питтсбург, Кливленд, Детройт, Чикаго, Гэри. США смогли производить сталь в объёмах и по себестоимости, недостижимых для европейских производителей.

Нефтяной фактор

В конце XIX — начале XX века геолого-энергетический фактор вышел на новый уровень. Начиная с первой промышленной нефтяной скважины Эдвина Дрейка в Пенсильвании (1859 год) и продолжаясь грандиозным открытием месторождения Спиндлтоп в Техасе (1901 год), США оказались обладателями крупнейших в мире разведанных запасов нефти.

До середины XX века Соединённые Штаты оставались главным мировым производителем и экспортёром углеводородов. Когда мировая экономика начала переходить от угля к жидкому топливу, а военная сила стала напрямую зависеть от двигателей внутреннего сгорания, танков, авиации и флота, работающего на мазуте, США уже обладали развитой нефтяной промышленностью, трубопроводной сетью и нефтеперерабатывающими заводами.

6. Великие озёра и портовая инфраструктура

Система Великих озёр (Верхнее, Мичиган, Гурон, Эри, Онтарио) представляет собой уникальное природное образование, выступающее в роли внутреннего моря в самом сердце Северной Америки. В сочетании с искусственными каналами Великие озёра сыграли решающую роль в связывании сырьевых регионов с проходными морскими путями. Ключевым историческим событием в развитии этой системы стало открытие в 1825 году канала Эри, который соединил озеро Эри с рекой Гудзон, впадающей в Атлантический океан в районе Нью-Йорка.

До постройки канала транспортировка тонны груза от Великих озёр до нью-йоркского побережья стоила порядка 100 долларов и занимала до трёх недель. Канал Эри обрушил стоимость транспортировки до 10 долларов за тонну и сократил время до шести дней. Это мгновенно превратило Нью-Йорк в главный финансовый и торговый порт континента, обгонявший Филадельфию и Бостон, и открыло богатейшие ресурсы Среднего Запада для международной торговли. На внешних контурах США получили разветвлённую сеть глубоководных природных гаваней на обоих океанских побережьях:

На Атлантическом побережье: Нью-Йорк, Бостон, Балтимор, Норфолк (Залив Чесапик), Чарлстон.

На побережье Мексиканского залива: Новый Орлеан, Хьюстон, Мобил.

На Тихоокеанском побережье: Сан-Франциско, Сиэтл (Залив Пьюджет-Саунд), Лос-Анджелес, Сан-Диего.

Наличие множества глубоководных портов на двух океанах позволило США одновременно развивать атлантическую и тихоокеанскую торговлю, не создавая узких мест в логистике и обеспечивая развёртывание двухокеанского военно-морского флота.

7. Демографический приток

Географический ресурс сам по себе остаётся мёртвым капиталом без наличия человеческого фактора, способного его освоить. В этом контексте территориальная экспансия Соединённых Штатов совпала с уникальным историческим процессом — массовой трансатлантической миграцией из Европы в XIX и начале XX веков.

Соединённые Штаты использовали свою географическую изолированность и колоссальные земельные ресурсы как магнит для привлечения человеческого капитала. Принятие в 1862 году Закона о гомстедах, гарантировавшего каждому гражданину или иммигранту, заявившему о намерении стать гражданином, право на получение 160 акров (около 65 гектаров) правительственной земли практически бесплатно при условии её обработки, вызвало мощный приток населения из Европы.

С точки зрения политэкономического анализа, США получили беспрецедентное преимущество перед всеми своими конкурентами. США импортировали из Европы людей преимущественно в трудоспособном, репродуктивном и наиболее активном возрасте. Государство не тратило ресурсы на их выращивание, детское здравоохранение и начальное обучение в детские годы — эти издержки несли страны исхода (Великобритания, Ирландия, Германия, Италия, Российская империя). США получали готовый трудовой ресурс. Вместе с мигрантами в США притекали европейские технологии, инженерные знания и предпринимательские навыки. Немецкие химики и оптики, британские ткачи и металлурги, ирландские строители создавали новые отрасли промышленности без необходимости проходивших веками этапов их фундаментальной разработки.

Постоянный приток рабочей силы предотвращал возникновение критического дефицита кадров в условиях стремительного расширения производства, что позволяло удерживать темпы экономического роста выше европейских.

8. Формирование единого внутреннего рынка

Совокупность перечисленных географических и демографических факторов привела к возникновению главного экономического феномена XIX века — созданию крупнейшего в мире единого внутреннего рынка.

Благодаря Конституции США 1787 года, содержащей так называемую (Оговорку о торговле), штатам было категорически запрещено вводить внутренние таможенные пошлины, ограничения на перемещение товаров, услуг и рабочей силы между собой. Когда территориальная экспансия соединила Атлантическое побережье с Тихоокеанским, внутри границ одного государства образовалось гигантское экономическое пространство, защищённое от внешних конкурентов единым протекционистским тарифом (такими, как тариф Моррилла 1861 года или тариф Мак-Кинли 1890 года), но абсолютно свободное внутри.

Это дало американским промышленным компаниям эффект, который в экономической теории называется экономией на масштабе. Американский производитель, создавая фабрику, изначально рассчитывал не на мелкий национальный рынок (как бельгийский, шведский или даже французский), а на потребительский рынок целого континента. Возможность производить продукцию миллионными сериями позволила кардинально снизить постоянные издержки на единицу товара. Именно на базе этого гигантского внутреннего рынка выросли первые промышленные супермонополии и корпоративные гиганты — Standard Oil, US Steel, International Harvester, а затем и автомобильная империя Генри Форда. Когда эти компании вышли на внешние рынки в конце XIX — начале XX века, европейские фирмы, сформированные в условиях ограниченных национальных рынков, оказались неспособны конкурировать с ними по ценовым параметрам.

Соединённые Штаты Америки начали свой путь к мировой гегемонии, обладая географической конфигурацией, которую можно назвать близкой к идеальной. Природная защищенность океанами минимизировала расходы на военный аппарат. Отсутствие сильных соседей устранило необходимость ведения войн за выживание на собственном континенте. Связная речная система Миссисипи и Великие озёра создали дешёвый транспортный каркас. Почвы Великих равнин обеспечили продовольственную независимость. Богатейшие запасы угля,

железной руды и нефти сформировали сырьевую базу для индустриализации, а непрерывный поток миграции освоил эти ресурсы, сформировав ёмкий внутренний рынок.

Однако сама по себе география является лишь нераскрытым потенциалом. Чтобы превратить этот природный базис в реальную геополитическую мощь, потребовался масштабный исторический катализатор, который перестроил бы аграрную федерацию штатов в централизованную индустриальную державу. Таким катализатором стала Гражданская война 1861—1865 годов.

Глава 2. Как война сделала Америку индустриальной державой

В традиционной историографии Гражданская война в США (1861—1865) чаще всего рассматривается через призму этического и правового конфликта: как борьба за отмену института рабства, сохранение целостности Союза и защиту принципов демократии. Однако с точки зрения политэкономии и геополитического анализа этот конфликт представлял собой не что иное, как вторую американскую революцию — глубокую структурную трансформацию, которая навсегда уничтожила аграрно-патриархальную модель развития страны и заложила жёсткий институциональный, финансовый и промышленный каркас будущей мировой сверхдержавы.

До 1861 года Соединённые Штаты существовали в режиме острого внутреннего дуализма. На Юге господствовала аграрная элита, чье благополучие строилось на использовании рабского труда, экспорте сырого хлопка в Великобританию и приверженности свободной торговле (низким импортным пошлинам). На Севере стремительно развивался капиталистический уклад: фабричное производство, финансовый сектор и фермерское сельское хозяйство, требовавшие высокой степени государственного протекционизма для защиты молодой американской промышленности от британской конкуренции.

Победа Севера в Гражданской войне была победой не просто одной группы штатов над другой. Это была окончательная победа индустриальной модели развития над плантационной, капитала — над земельной аристократией, и централизованного национального государства — над концепцией суверенитета отдельных штатов. Именно в огне войны 1861—1865 годов Соединённые Штаты сформировали те механизмы, которые превратили их в индустриального титана XX века.

1. Перелом геоэкономической парадигмы: столкновение двух систем

Чтобы оценить масштаб произошедшего сдвига, необходимо разобрать экономические противоречия, блокировавшие развитие США в предвоенные десятилетия. Южная плантационная элита через свое присутствие в Конгрессе и Верховном суде на протяжении десятилетий успешно блокировала ключевые федеральные инициативы, необходимые для промышленного рывка страны:

Южане выступали против высоких протекционистских тарифов, поскольку импортировали европейские промышленные товары в обмен на хлопок и опасались ответных пошлин со стороны Великобритании.

Они блокировали законы о государственном финансировании инфраструктурных проектов — строительстве трансконтинентальных железных дорог, каналов и улучшении гаваней.

Они препятствовали принятию законов о бесплатной раздаче западных земель фермерам (гомстедов), опасаясь формирования новых свободных от рабства штатов.

Выход южных штатов из состава Союза в 1860—1861 годах снял этот институциональный барьер. Республиканская партия, представлявшая интересы северного промышленного и финансового капитала, получила абсолютный контроль над Конгрессом. В течение нескольких месяцев 1861—1862 годов были приняты законы, которые пылились в комитетах годами. Гражданская война мгновенно превратила федеральное правительство в крупнейшего заказчика, инвестора и регулятора национальной экономики.

2. Железные дороги и логистическая революция

До начала войны американская железнодорожная сеть представляла собой мозаику из частных линий разной колеи, созданных для обслуживания локальных торговых путей. Война потребовала немедленной перемещаемости сотен тысяч солдат, миллионов тонн боеприпасов, продовольствия и обмундирования на расстояния в тысячи километров.

Военная необходимость породила логистическую революцию. Во время кровопролитных сражений правительство Авраама Линкольна подписало документ о строительстве Первой трансконтинентальной железной дороги, соединившей Атлантическое и Тихоокеанское побережья. Государство предоставило частным компаниям гигантские земельные субсидии и льготные кредиты. Это был крупнейший в истории страны инфраструктурный проект, реализованный в разгар войны за выживание государства.

Военное ведомство Севера столкнулось с катастрофическими задержками при перегрузке грузов с поездов одной ширины колеи на поезда другой. Под давлением военных заказов железнодорожные компании начали массовый переход к единому стандарту колеи (1435 мм). Были созданы единые диспетчерские службы, построены стратегические железнодорожные мосты через крупные реки (включая Огайо и Миссисипи) и внедрён военный контроль над движением составов.

К 1865 году Север обладал самой эффективной, интегрированной и протяженной железнодорожной сетью в мире (около 48 тысяч километров против 14 тысяч километров на Юге). Железная дорога перестала быть просто средством передвижения — она превратилась в технологический инструмент контроля над континентальным пространством.

3. Стандартизация и массовое производство

До Гражданской войны большинство потребительских товаров — от одежды и обуви до огнестрельного оружия — производилось ремесленным способом или на небольших мануфактурах с высокой долей ручного труда. Размеры одежды и обуви были индивидуальными, а детали ружей подгонялись мастерами вручную, что делало их взаимно незаменяемыми. Война предъявила спрос на масштабы, с которыми человечество ранее не сталкивалось. Северной армии требовалось одновременно одеть, обуть и вооружить более миллиона человек. Это вызвало взрывной переход к массовому конвейерному производству и стандартизации:

Изобретение стандартных размеров одежды и обуви. Именно для пошива униформы Армии Союза на основе обмера тысяч рекрутов была разработана первая в мире сетка стандартных размеров (S, M, L и их аналоги того времени), а также массовое фабричное производство левой и правой обуви на обувных фабриках Новой Англии с использованием швейных машин Зингера.

Принцип взаимозаменяемых деталей. В государственных арсеналах Спрингфилда и Харперс-Ферри, а также на частных заводах Кольта и Ремингтона была доведена до совершенства технология производства оружия с использованием высокоточных станочных лекал. Любой затвор или курок стрелкового оружия стал подходить к любой винтовке той же модели без ручной подгонки. Этот принцип мгновенно распространился из оружейного сектора на производство сельскохозяйственной техники, швейных машин, а впоследствии — автомобилей.

Механизация сельского хозяйства. Массовый призыв мужского населения северных ферм в армию создал острый дефицит рабочих рук на полях. Этот дефицит был мгновенно компенсирован взрывным внедрением механических жнеек Сайруса Маккормика и механических молотилок. В результате Север не только не столкнулся с голодом, но и увеличил экспорт зерна в Европу в годы войны, обеспечив приток золота в государственную казну.

4. Взрывной рост тяжелой промышленности и металлургии

Военный заказ действовал как гигантский насос, перекачивавший государственные средства в тяжёлую индустрию. Армии требовались тысячи артиллерийских орудий, миллионы сна-

рядов, броневые плиты для первых боевых паровых кораблей (броненосцев), рельсы для восстановления разрушенных путей и паровозы. В годах войны берет своё начало взрывной рост угольной и металлургической промышленности Пенсильвании и Огайо. Производство чугуна и стали на Севере выросло в разы. Заводы Camden and Amboy, Tredegar (до ее захвата) и металлургические комбинаты Питтсбурга начали осваивать новые технологии выплавки.

Именно во время Гражданской войны сформировались финансово-промышленные группы и выросли фигуры, которые определят лицо американского капитализма в конце XIX века. Молодой Эндрю Карнеги, работавший во время войны суперинтендантом Военных железных дорог Союза, именно тогда осознал фундаментальное значение стали и инфраструктуры для будущего страны, что впоследствии побудило его создать сталелитейную империю Carnegie Steel.

5. Финансовая революция

Пожалуй, наиболее глубокие и долговечные изменения произошли в финансовой сфере. Ведение масштабной войны требовало колоссальных денежных средств, которых не было в казне. Налоги не могли покрыть и четверти военных расходов, а традиционные займы у европейских банков под высокие проценты грозили поставить страну в финансовую зависимость. Министр финансов в администрации Линкольна Сэмон Чейз и конгрессмены-республиканцы провели финансовую революцию, создав современную денежную систему США.

Акт о законном платежном средстве (Legal Tender Act, 1862)

Правительство впервые в истории США выпустило бумажные деньги, не обеспеченные напрямую золотом или серебром — банкноты, получившие за свой цвет название «гринбеки». Они были объявлены законным платежным средством для всех публичных и частных долгов. Это был решительный шаг от товарных денег к фиатной валютной системе.

Законы о национальных банках (National Banking Acts, 1863 и 1864)

До войны в США существовал настоящий денежный хаос: тысячи частных и штатных банков выпускали собственные бумажные деньги разных наименований и степеней надежности. Закон 1863 года создал систему национальных банков, подконтрольных федеральному правительству. Чтобы получить право выпускать банкноты, банк был обязан купить государственные облигации США и депонировать их в Казначействе. Одновременно был введен 10-процентный налог на банкноты штатных банков, что быстро вытеснило их из обращения. В США возникла единая, защищенная и централизованная национальная валюта.

Демократизация государственного долга

Финансист Джей Кук по поручению правительства разработал и внедрил инновационную схему продажи военных облигаций. Вместо того чтобы полагаться только на крупных нью-йоркских и европейских банкиров, он развернул агрессивную патриотическую рекламную кампанию и начал продавать облигации мелкими номиналами ($50 и $100) рядовым гражданам, фермерам и рабочим. Впервые в истории широкий рабочий класс стал инвестором в собственный госдолг. Правительство Союза собрало таким образом более 2 миллиардов долларов.

6. Становление современного федерального государства

До 1861 года федеральное правительство в Вашингтоне было чрезвычайно слабым институтом. Обычный гражданин США сталкивался с властью Вашингтона практически только при посещении почтового отделения. Армия была крошечной, налоговое ведомство отсутствовало, а регулирование экономики находилось целиком в руках властей отдельных штатов.

Гражданская война принудительно сформировала мощный федеральный бюрократический аппарат. В 1862 году впервые в истории США был введён федеральный подоходный налог и создано Бюро внутренних доходов (Internal Revenue Service — будущее IRS). Были введены акцизы практически на все виды товаров и профессиональных услуг. Пользуясь отсутствием

южан, Конгресс принял пакет законов, сформировавших будущую экономическую географию страны:

Закон о гомстедах (Homestead Act, 1862): открыл бесплатный доступ к западным землям, привлекая миллионы мигрантов.

Закон Моррилла (Morrill Land-Grant Act, 1862): выделил миллионы акров земли штатам для создания технических и сельскохозяйственных университетов (таких как Корнелл, Массачусетский технологический институт, университеты штатов). Это создало научную и инженерную базу для американской промышленности.

Тариф Моррилла (Morrill Tariff): взвинтил импортные пошлины до рекордных 47%, надежно защитив американские фабрики от британской и европейской конкуренции на несколько десятилетий вперед. Гражданская война превратила Вашингтон из рыхлой координационной площадки штатов в единый нервный центр управления национальной экономикой.

7. Перелом в самосознании: от конфедерации к нации

Тринадцатая, Четырнадцатая и Пятнадцатая поправки к Конституции США не просто отменили рабство и предоставили гражданские права бывшим рабам — они кардинально перераспределили баланс властных полномочий. Впервые в истории страны граждане получили защиту своих фундаментальных прав на федеральном уровне от злоупотреблений властей собственных штатов. Федеральное право окончательно и бесповоротно встало выше права штатов.

К моменту завершения войны в апреле 1865 года Соединённые Штаты Америки были совершенно иной страной, чем в марте 1861 года. Аграрный Юг, длительное время тормозивший промышленный прогресс страны, лежал в руинах, а его политическое влияние было ликвидировано на десятилетия вперёд. На Севере же возникла и набрала колоссальный ход индустриальная махина. Страна получила единую национальную банковскую систему и фиатную валюту. Был создан континентальный внутренний рынок, защищённый высокими таможенными тарифами.

Промышленность освоила методы массового производства, стандартизации и взаимозаменяемости деталей. Железные дороги сформировали эффективный транспортный каркас. Федеральное правительство превратилось в мощный институциональный центр, способный мобилизовывать финансовые, сырьевые и человеческие ресурсы в национальном масштабе.

Соединённые Штаты вошли в войну 1861 года как второстепенная аграрно-сырьевая периферия мирового хозяйства, чья экономика критически зависела от экспорта хлопка в Англию и импорта британских промышленных товаров. Они вышли из войны в 1865 году как молодая индустриальная сверхдержава, обладающая крупнейшим промышленным потенциалом, мощным финансовым сектором и передовыми технологиями организации производства.

Этот мощный индустриально-государственный двигатель, созданный во время войны, требовал колоссальных объёмов капитала и организационных структур нового типа. Наступила эпоха, когда управление этим ресурсом перешло от государства к новым правителям Америки — промышленным монополистам и финансовым магнатам.

Глава 3. Рождение американского капитала

Период последней третьей части XIX века — вошедший в историю с легкой руки Марка Твена под названием «Позолоченный век» — стал эпохой невиданной в истории человечества концентрации капитала, промышленного строительства и институциональной пересборки рыночной экономики. За считанные десятилетия, прошедшие после окончания Гражданской войны, Соединённые Штаты совершили транзит от раннего, классического капитализма свободной конкуренции, где действовали тысячи мелких и средних семейных предприятий, к жёстко структурированному корпоративно-финансовому капитализму монополий, трестов и синдикатов.

Главный политэкономический парадокс этого периода заключался в том, что системная трансформация происходила в условиях чрезвычайно слабого и намеренно пассивного федерального государства. Конституционная система США конца XIX века, зафиксированная в философии «невмешательства», не располагала ни регуляторным аппаратом, ни антимонопольным законодательством, ни центральным банком, ни даже механизмом контроля над корпоративными слияниями.

В образовавшемся институциональном вакууме роль главных планировщиков, архитекторов и регуляторов национальной экономики взяли на себя частные предприниматели и финансовые магнаты. Сформировавшаяся группа капитанов индустрии — Джон Д. Рокфеллер, Эндрю Карнеги, Джон Морган, Корнелиус Вандербильт — создала параллельную систему управления национальными ресурсами. В рамках этой системы частные финансово-промышленные структуры получили влияние, реальные рычаги воздействия и системную значимость, не просто сопоставимые с государственными институтами, но в критические моменты истории прямо превосходившие возможности правительного аппарата в Вашингтоне.

Чтобы понять, как возник этот невидимый этаж американской гегемонии, необходимо детально проследить последовательную эволюцию четырех ключевых форм концентрации капитала: инфраструктурной (железные дороги), промышленно-сырьевой (сталь и нефть), финансово-банковской (Уолл-стрит) и, наконец, их глубокого синтеза в форме инвестиционного капитализма.

Корнелиус Вандербильт и железнодорожные монополии

Первой отраслью, продемонстрировавшей неизбежность превращения частного капитала в системную инфраструктуру государства, стало железнодорожное строительство. Железные дороги XIX века были не просто видом транспорта — они являлись базовым условием существования единого национального рынка. Тот, кто контролировал магистральные линии, узловые станции и мосты, фактически контролировал жизнь целых штатов, определяя, какие аграрные и промышленные регионы получат доступ к побережью, а какие окажутся обречены на банкротство.

Символом этой эпохи стал «Коммодор» Корнелиус Вандербильт. Начиная как владелец парусных и пароходных линий, Вандербильт вовремя осознал, что будущая монопольная прибыль лежит в консолидации хаотичной и разрозненной железнодорожной сети. Путем агрессивных слияний, поглощений, ценовых войн и скупки акций он объединил множество мелких дорог в грандиозную систему New York Central Railroad, связавшую Нью-Йорк с Чикаго и регионом Великих озер.

Политэкономический феномен железнодорожных монополий Вандербильта, Джея Гулда и Джима Фиска высветил две фундаментальные проблемы:

1. Тарифная дискриминация и «рейт-уорс» (тарифные войны)

Владельцы магистралей использовали тактику дифференцированных тарифов. Крупным отправителям грузов предоставлялись секретные скидки, в то время как мелкие фермеры и предприниматели уплачивали максимальные, искусственно завышенные цены. В условиях отсутствия альтернативных путей сообщения железнодорожная компания получала право абсолютного суда над частным бизнесом.

2. Контроль над финансовыми рынками

Железнодорожные компании стали первыми публичными корпорациями США, чьи акции и облигации формировали основной объем торгов на Нью-Йоркской фондовой бирже. Борьба за контроль над железной дорогой Эри между Вандербильтом, Гулдом и Фиском продемонстрировала возможности коррупционного давления на законодательные собрания штатов, массового выпуска необеспеченных акций и манипулирования рынком.

Осознание того, что частные транспортные монополии фактически взяли на себя функции налогообложения населения через завышенные тарифы, вынудило правительство США в 1887 году принять Закон о торговле между штатами (Interstate Commerce Act) и создать Комиссию по торговле между штатами (ICC). Это был первый в истории США орган федерального государственного регулирования. Однако в течение первых десятилетий своего существования ICC оставалась крайне слабой структурой, а железнодорожные магнаты легко находили юридические лазейки для сохранения своего контроля над транспортными артериями страны.

Эндрю Карнеги и стальной базис

Если Вандербильт построил инфраструктурный каркас, то Эндрю Карнеги создал материальный базис американской индустриализации — сталелитейную промышленность. Уроженец Шотландии, прошедший путь от ткача и телеграфиста до суперинтенданта железных дорог, Карнеги первым в США оценил масштабы революции, которую несла технология выплавки стали (бессемеровский процесс, а затем мартеновские печи). До 1870-х годов сталь была дорогим материалом, использовавшимся преимущественно для производства инструментов и оружия. Карнеги превратил сталь в массовый конструкционный материал для строительства железных дорог, мостов, небоскрёбов и военных кораблей.

Ключевой инновацией Карнеги в организации капитала стала вертикальная интеграция. В отличие от традиционных фабрикантов, закупавших сырье на открытом рынке, компания Carnegie Steel последовательно взяла под прямой контроль все звенья производственной цепочки:

Сырьевая база: покупка железорудных месторождений в районе Месаби (Миннесота) и угольных шахт в Пенсильвании.

Транспорт: создание собственной сети грузовых судов на Великих озерах и железной дороги для доставки руды прямо к доменным печам.

Производство: строительство крупнейших в мире сталелитейных заводов Эдгара Томсона и Хомстеда в Питтсбурге, работавших по непрерывному циклу.

Вертикальная интеграция позволила Карнеги устранить посреднические наценки на всех этапах производства. В сочетании с жёстким внедрением производственного учета (Карнеги одним из первых ввёл детальный учёт себестоимости каждого процесса) и агрессивной технологической модернизацией это привело к феноменальному снижению цен: себестоимость производства тонны стальных рельсов упала со 160 долларов в 1875 году до менее чем 12 долларов в конце 1890-х годов.

Однако обратной стороной этой эффективности было беспощадное давление на трудовой капитал. Забастовка на Хомстедском заводе 1892 года, подавленная с привлечением частной военной компании Пинкертона и Национальной гвардии штата, продемонстрировала, что крупный промышленный капитал обладал фактической монополией на применение легитим-

ного насилия внутри своих производственных анклавов, где воля владельца компании стояла выше норм трудового права.

В 1901 году, когда Карнеги решил уйти от дел, его стальная империя производила больше стали, чем вся Великобритания. Продажа Carnegie Steel финансовому магнату Дж. П. Моргану за астрономическую по тем временам сумму в 480 миллионов долларов стала поворотным моментом в истории — переходом от эры индустриальных баронов к эре финансового капитала.

Джон Д. Рокфеллер и Standard Oil: архитектура треста

Если Карнеги ассоциировался со сталью, то Джон Дэвисон Рокфеллер создал главный символ корпоративного монополизма — нефтяную империю Standard Oil. Именно Рокфеллер разработал организационные и юридические механизмы, которые превратили частную компанию в глобальный экономический институт. Рокфеллер начал свою деятельность на раннем этапе развития нефтяной отрасли в Кливленде (штат Огайо). В 1860-е годы добыча нефти представляла собой хаотичный, спекулятивный и крайне нестабильный бизнес с постоянными скачками цен. В отличие от большинства предпринимателей, кинувшихся бурить скважины, Рокфеллер сделал ставку на переработку и транспортировку. Он понял, что контроль над нефтеперерабатывающими заводами даёт абсолютную власть над всей отраслью.

Стратегия Рокфеллера строилась на последовательном применении трех методов:

1. Горизонтальная интеграция и ликвидация конкурентов

Основанная в 1870 году компания Standard Oil начала планомерный захват нефтеперерабатывающих заводов сначала в Кливленде, а затем по всей стране. Используя экономию на масштабе, Рокфеллер снижал цены на керосин в регионах присутствия конкурентов, доводя их до банкротства, после чего скупил их активы за бесценок («кливлендская бойня»).

2. Тайные тарифные соглашения с железными дорогами

Рокфеллер заключил секретные соглашения с крупнейшими железнодорожными компаниями (включая Erie и Pennsylvania Railroad). В обмен на гарантированный гигантский объем грузопотока нефти Standard Oil получала не просто глубокие скидки, но и процент от стоимости перевозок, которую уплачивали её конкуренты. Конкуренты Рокфеллера фактически субсидировали его бизнес при каждой попытке перевезти свою нефть.

3. Юридическая инновация: изобретение треста

Законодательство большинства штатов XIX века запрещало корпорациям владеть акциями компаний за пределами своего штата или владеть недвижимостью в других юрисдикциях. Чтобы обойти эти конституционные ограничения, юрист Standard Oil Сэмюэл Додд в 1882 году разработал юридическую конструкцию треста (Standard Oil Trust).

Схема работала следующим образом: акционеры десятков связанных с Рокфеллером компаний в разных штатах передавали свои акции и право голоса совету из девяти доверительных управляющих во главе с самим Рокфеллером. Взамен они получали «трестовые сертификаты», дававшие право на получение дивидендов. Таким образом, юридически сохранялись десятки отдельных независимых компаний, но фактическое, централизованное и абсолютное управление всей нефтяной отраслью страны сосредоточилось в руках девяти человек в офисе на Бродвее, 26 в Нью-Йорке.

В конце 1880-х годов Standard Oil контролировала более 90% переработки, транспортировки и экспорта керосина и нефтепродуктов в Соединённых Штатах. Рокфеллер создал первую в мире транснациональную корпорацию, которая вела собственную внешнюю торговлю, имела собственные танкерные флоты в Европе и Азии и вела дипломатические переговоры с правительствами зарубежных стран наравне с Госдепартаментом США.

Общественное возмущение засильем трестов привело к принятию в 1890 году Антитрестовского закона Шермана. Однако на протяжении первых двадцати лет этот закон оставался

почти неработающим декларативным документом. Когда в 1892 году Верховный суд штата Огайо формально признал трест Standard Oil незаконным, Рокфеллер просто переформировал его в холдинговую компанию в штате Нью-Джерси, законодательство которого оперативно разрешило корпорациям владеть бумагами других фирм.

Лишь в 1911 году решение Верховного суда США принудительно раздробило Standard Oil на 34 независимые компании (из которых впоследствии выросли Exxon, Mobil, Chevron, Amoco и Conoco). Но к этому моменту монопольный капитал уже выполнил свою историческую роль: он сформировал единую технологическую и финансовую инфраструктуру нефтяной отрасли. Парадоксально, но дробление империи лишь умножило капитал самого Рокфеллера, сделав его первым в истории долларовым миллиардером.

Дж. П. Морган и эра «морганизации»

Если Вандербильт, Карнеги и Рокфеллер представляли собой промышленный капитал, то Джон Пирпонт Морган олицетворял высшую форму развития капиталистической системы — инвестиционный банковский капитал. Дж. П. Морган, возглавлявший банкирский дом J.S. Morgan & Co. (в Лондоне) и J.P. Morgan & Co. (в Нью-Йорке), занимал уникальное положение в мировой финансовой иерархии. Он выступал главным мостом, через который британский и европейский избыточный капитал утекал в высокодоходные, но рискованные проекты по освоению американского континента. Для европейских инвесторов имя Моргана являлось единственной надежной гарантией того, что их средства не будут разворованы или сожжены в хаосе американских ценовых войн.

Морган глубоко презирал то, что он назвал «разрушительной конкуренцией» — хаотичную борьбу промышленных баронов за доли рынка, приводившую к ценовому демпингу, падению доходности и дефолтам по облигациям. Вместо этого Морган выдвинул концепцию «морганизации» — финансовой реорганизации и консолидации отраслей под прямым контролем инвестиционных банков.

Процесс «морганизации» строился по следующему алгоритму:

1. В период очередного финансового кризиса или ценовой войны железнодорожная или проходная компания оказывалась на грани банкротства и обращалась к Моргану за кредитом или выкупом облигаций.

2. Морган соглашался предоставить финансирование, но выдвигал жёсткие условия: реструктуризация долгов, прекращение ценовых войн с конкурентами и передача контрольного пакета голосующих акций под управление специального кредитного траста.

3. В совет директоров реорганизованной компании входил сам Морган или его доверенные партнеры. Через систему персональных уний и перекрёстных директоров банкирский дом Моргана получал прямой контроль над операционной стратегией десятков якобы конкурирующих корпораций.

К началу XX века процесс «морганизации» достиг своего апогея:

Создание General Electric (1892) Морган профинансировал слияние компании Томаса Эдисона (Edison General Electric) с её главным конкурентом Thomson-Houston Electric, создав монополиста в производстве электротехнического оборудования.

Создание U.S. Steel (1901) Морган выкупил стальную империю Карнеги за $480 млн и объединил её с рядом других крупных металлургических и транспортных компаний. Так возникла первая в мировой истории корпорация с капитализацией более 1 миллиарда долларов (United States Steel Corporation), контролировавшая около 60% всего производства стали в США.

Контроль над железнодорожной сетью. К 1902 году Дом Моргана прямо или косвенно контролировал свыше 55 тысяч километров железных дорог США (около трети всей сети страны).

Таким образом, реальный центр принятия решений в американской экономике сместился из производственных цехов Питтсбурга и Кливленда на Уолл-стрит, 23 — в штаб-квартиру J.P. Morgan & Co.

Частные финансовые структуры в роли государства

Наиболее ярко институциональный вес частного капитала проявился в критические моменты, когда само американское государство оказывалось бессильно перед лицом финансовых катастроф. В отсутствие центрального банка (Второй банк США был ликвидирован ещё в 1836 году президентом Эндрю Джексоном) ФРС не существовала, а Казначейство США располагало крайне ограниченным инструментарием вмешательства в финансовый рынок. В эти моменты функции центрального банка страны вынужденно брал на себя один человек — Джон Пирпонт Морган.

К началу 1893 года в результате массового оттока капитала в Европу и неудачной денежной политики (Закон Шермана о покупке серебра) золотой запас Казначейства США упал ниже критической отметки в 100 миллионов долларов. Стране грозил немедленный отказ от золотого стандарта, девальвация доллара и полный дефолт по внешним обязательствам. Президент Гровер Кливленд находился в отчаянном положении.

В феврале 1895 года Морган прибыл в Белый дом. Пользуясь глубоким знанием законодательства, он напомнил президенту о полузабытом законе времён Гражданской войны (1862 года) и предложил сделку: синдикат Моргана и Ротшильдов обязывался поставить Казначейству 3,5 миллиона унций золота (на сумму $65 млн), причем не менее половины этого золота Морган обязывался импортировать из Европы. Взамен синдикат получил 30-летние государственные облигации по льготной цене.

Морган не просто поставил золото — он использовал свое влияние на европейских валютных рынках, чтобы временно приостановить предъявление американских векселей к оплате золотом. Частный банкир в одиночку спас национальную валюту и бюджет Соединённых Штатов от катастрофы, заработав при этом огромную прибыль и продемонстрировав, что финансовое могущество Уолл-стрит превосходит возможности Министерства финансов США.

Ещё более драматично события развернулись в октябре 1907 года, когда крах спекулятивного медного треста вызвал цепную реакцию банкротств доверительных компаний и банков Нью-Йорка. Возникла классическая банковская паника: вкладчики штурмовали банки, требуя наличные деньги, межбанковский рынок замер, брокерские фирмы на бирже рушились одна за другой. В условиях полного паралича государственных органов 70-летний Дж. П. Морган фактически взял на себя руководство ликвидацией национального кризиса. Он запер ведущих банкиров и президентов трастовых компаний в библиотеке своего особняка на 36-й улице, отказавшись выпускать их до тех пор, пока они не подпишут соглашение о создании пула ликвидности в $25 млн для спасения падающих институтов.

Он лично проводил аудит балансов банков за считанные часы, определяя, какие институты являются системно значимыми и подлежат спасению, а каким можно позволить обанкротиться.

Он убедил Нью-Йоркскую фондовую биржу не закрываться, предоставив ей $27 млн за 30 минут до планируемого коллапса торгов.

Он заставил правительство США согласиться на то, чтобы U.S. Steel выкупила контрольный пакет акций Tennessee Coal, Iron and Railroad Company без опасения антимонопольного преследования со стороны Министерства юстиции, шантажируя Белый дом угрозой продолжения паники.

Паника 1907 года наглядно показала миру: один частный гражданин и его финансовый клан выступают в роли «кредитора последней инстанции» для крупнейшей экономики мира.

Ситуация, при которой судьба национальной экономики зависела от воли, здоровья и интересов узкой группы финансистов с Уолл-стрит, вызвала глубокий политический кризис и раскол в американском обществе. В 1912 году Палата представителей Конгресса США создала специальный комитет под председательством Арсена Пужо для расследования существования так называемого «Денежного треста». Результаты расследования комиссии Пужо шокировали страну. Было документально доказано, что партнеры всего трех финансовых институтов — J.P. Morgan & Co., First National Bank (Джордж Бейкер) и National City Bank (Джеймс Стиллман) — занимали 341 директорское кресло в 112 крупнейших корпорациях, включая банки, железные дороги, транспортные, страховые, промышленные и энергетические компании с совокупной капитализацией более 22 миллиардов долларов (что составляло значительную часть всего национального богатства США).

Политический консенсус начала XX века в эпоху прогрессивизма Теодора Рузвельта, Уильяма Тафта и Вудро Вильсона, осознал фундаментальную угрозу: концентрация капитала достигла уровня, при котором частные финансовые институты могли диктовать свою волю государству, провоцировать или гасить кризисы по собственному усмотрению и блокировать любые политические реформы. Однако ликвидировать эту систему простым запретом было уже невозможно — промышленность и финансы стали слишком сложными. Выходом стал институциональный компромисс.

Создание в декабре 1913 года Федеральной резервной системы через подписание президентом Вудро Вильсоном Federal Reserve Act стало результатом сложной сделки между правительством и нью-йоркским банковским капиталом, чья секретная концепция была выработана на знаменитом заседании на острове Джекилл в 1910 году.

ФРС создавалась не как классический государственный центральный банк европейского типа (как Банк Англии или Банк Франции), а как гибридная, государственно-частная структура. Была создана система из 12 региональных резервных банков, капитал которых принадлежал частным коммерческим банкам-членам системы. Совет управляющих ФРС в Вашингтоне назначался президентом США и утверждался Сенатом, обеспечивая государственный контроль. Однако ключевой и самый мощный региональный банк — Федеральный резервный банк Нью-Йорка — фактически остался под глубоким влиянием крупных банков Уолл-стрит. Создание ФРС означало, что американское государство наконец вернуло себе монополию на эмиссию денежных средств и роль кредитора последней инстанции. Но это было сделано путем институционализации и огосударствления тех самых механизмов финансовой централизации, которые ранее были выстроены Морганом и его союзниками.

К началу Первой мировой войны в 1914 году Соединённые Штаты сформировали уникальный в мировой истории финансово-промышленный комплекс:

1. Инфраструктурная и сырьевая интеграция: благодаря монополистическим структурам (Standard Oil, U.S. Steel, железнодорожные гиганты) национальная экономика преодолела хаос раннего капитализма и превратилась в единый, высокотехнологичный и высокопроизводительный гигантский конвейер.

2. Финансовая централизация: Уолл-стрит сформировалась как один из крупнейших мировых центров аккумулирования и перераспределения капитала, способный конкурировать с Лондонским Сити.

3. Синтез бизнеса и государства: концентрация капитала создала систему, в которой частные корпорации и банковские дома превратились в системно значимые институты. Государство было вынуждено отказаться от доктрины абсолютного невмешательства и создать современный аппарат государственного регулирования (ICC, Закон Шермана, ФРС), который не уничтожил крупный капитал, а дал ему легитимную, институционализированную форму управления.

Этот внутренний монопольно-финансовый базис был полностью сформирован и готов к глобальной экспансии. Соединённым Штатам оставалось сделать следующий шаг: выйти за пределы своего континента и начать превращать свой внутренний капитал в инструмент внешнеполитического и геополитического господства. Первой пробой сил на этом пути стала Испано-американская война 1898 года и утверждение доктрины Монро в её обновлённом, империалистическом прочтении.

Часть II. Америка выходит из континента

Глава 4. Первая настоящая имперская Америка

1898 год стал поворотным рубежом в мировой и американской истории. В течение всего одного года Соединённые Штаты сокрушили некогда могущественную Испанскую империю, аннексировали Гавайские острова, захватили Филиппины, Пуэрто-Рико и Гуам, а также установили фактический протекторат над Кубой. За считанные месяцы США совершили скачок от континентального государства, замкнутого в рамках собственного полушария, к глобальной морской империи с колониальными владениями в Карибском бассейне и в глуши Тихого океана — у самых ворот Азии. Однако этот внешнеполитический триумф поставил перед американским обществом и политическим классом глубочайший экзистенциальный и конституционный кризис. Впервые в своей истории Америка столкнулась с фундаментальным внутренним противоречием, затрагивавшим сами основы её национальной идентичности.

Соединённые Штаты Америки возникли в XVIII веке в результате антиколониальной революции против Британской империи. Вся американская государственная мифология, политическая философия и конституционная традиция строились на радикальном отрицании европейского империализма. Главный постулат Декларации независимости 1776 года гласил: «Правительства держат свою законную власть с согласия управляемых». Основатели республики — Томас Джефферсон, Джеймс Мэдисон, Джордж Вашингтон — последовательно предупреждали, что создание регулярной армии, захват заморских территорий и втягивание в чужие конфликты неизбежно уничтожат внутренние свободы и приведут к перерождению республики в военную деспотию.

В 1898 году американская элита совершила акт явного отрицания этих принципов, подчинив своей воле миллионы людей на Филиппинах, Кубе и в Пуэрто-Рико без какого-либо их «согласия». Это противоречие вызвало в США ожесточенную общественную дискуссию, сформировавшую Антиимпериалистическую лигу США, в которую вошли самые разные фигуры — от писателя Марка Твена и философа Уильяма Джеймса до промышленника Эндрю Карнеги и бывшего президента Гровера Кливленда. Марк Твен с сарказмом предлагал изменить дизайн американского флага, заменив белые полосы на чёрные, а звезды — на черепа с костями. Противники империи аргументировали свою позицию тремя тезисами:

Морально-конституционный: аннексия территорий без предоставления их жителям прав гражданства грубо попирает Конституцию США.

Расовый (характерный для той эпохи): вхождение миллионов представителей «не белых рас» разрушит этнокультурный баланс республики.

Экономический: содержание колонии администрирования и флотов потребует постоянного роста налогов и милитаризации.

Сторонники империализма — так называемые «расширители» во главе с Теодором Рузвельтом, сенатором Генри Каботом Лоджем и идеологом морской силы Альфредом Тейером Мэхеном — выдвинули встречную аргументацию:

1. «Предопределённое судьбой»: концепция территориального расширения, ранее оправдывавшая захват земель коренных народов и войну с Мексикой, теперь переносилась за пределы континента.

2. «Бремя белого человека»: идея о том, что англосаксонская раса несет цивилизаторскую миссию по «обучению демократии» и модернизации «неразвитых» народов.

3. Экономический детерминизм: к концу XIX века промышленность США начала производить больше товаров, чем мог поглотить внутренний рынок (кризис перепроизводства).

Без захвата заморских рынков сбыта и опорных пунктов для торговли США грозили постоянные экономические депрессии и социальные взрывы.

Доктрина Альфреда Мэхена и стратегический контекст

Переход США к заморской экспансии не был спонтанным решением. Он опирался на четкую военно-теоретическую базу, сформулированную военно-морским офицером и историком Альфредом Тейером Мэхеном в его фундаментальном труде «Влияние морской силы на историю (1660—1783)» (1890). Концепция Мэхена сводилась к нескольким базовым тезисам. Национальное могущество и экономическое процветание в современном мире определяются контролем над морскими торговыми путями. Для контроля над морем необходим мощный военно-морской флот линейных кораблей. Флот не может функционировать без сети угольных станций, укрепленных баз и контролируемых каналов по всему миру.

Именно доктрина Мэхена стала интеллектуальной матрицей для администрации президента Уильяма Мак-Кинли и его помощника министра ВМС Теодора Рузвельта. Гавайи, Гуам, Филиппины и Пуэрто-Рико рассматривались ими не просто как территории, а как стратегическая цепочка непотопляемых авианосцев и котельных станций эпохи пара, необходимая для выхода американского капитала на рынки Латинской Америки и, главное, Китая.

Особое значение в концепции Мэхена имело представление о том, что морская мощь должна рассматриваться не только как инструмент обороны национальной территории, но и как средство обеспечения глобальных экономических и политических интересов. Контроль над ключевыми морскими коммуникациями позволял государству влиять на международную торговлю, ограничивать доступ конкурентов к стратегическим регионам и обеспечивать безопасность собственных коммерческих операций. Таким образом, военно-морская стратегия становилась неотъемлемой частью большой геополитической стратегии.

Важнейшим элементом этой системы являлся Тихоокеанский регион. Усиление американского присутствия на Гавайских островах обеспечивало контроль над центральной частью Тихого океана и создавало удобный плацдарм для дальнейшего продвижения к Восточной Азии. Присоединение Гавайев в 1898 году имело принципиальное значение для обеспечения морских коммуникаций между западным побережьем США и азиатскими рынками. Захват Гуама и установление контроля над Филиппинами в результате Испано-американской войны того же года позволили Вашингтону получить дополнительные опорные пункты на пути к Китаю.

Особое место в этой стратегии занимала концепция «открытых дверей» в Китае, официально сформулированная государственным секретарем Джоном Хэем в 1899—1900 годах. Её основной задачей было обеспечение равных коммерческих возможностей для иностранных держав и недопущение раздела китайского рынка на исключительные сферы влияния. Для Соединенных Штатов, не располагавших в Китае столь значительными территориальными владениями, как европейские державы, сохранение формальной открытости китайского рынка представляло особый экономический интерес. Военно-морское присутствие в Тихом океане должно было служить силовой гарантией американских торговых и дипломатических интересов.

Параллельно развивалось стратегическое направление в Карибском бассейне. Пуэрто-Рико, приобретенный по итогам войны 1898 года, обеспечивал США важную военно-морскую позицию в восточной части Карибского моря. Контроль над Кубой, хотя и не предполагал ее формальной аннексии, был закреплен механизмами политического и военного влияния, в частности поправкой Платта 1901 года. В дальнейшем особое значение приобрела проблема строительства межокеанского канала в Центральной Америке. Возможность оперативного переброса американского флота между Атлантическим и Тихим океанами рассматривалась как необходимое условие полноценного функционирования двухокеанской морской державы.

В этом контексте строительство Панамского канала стало одним из наиболее масштабных практических воплощений стратегических представлений Мэхена. Поддержка Вашингтоном отделения Панамы от Колумбии в 1903 году и последующее получение контроля над зоной канала продемонстрировали готовность США использовать дипломатические и военно-политические инструменты для обеспечения собственных геостратегических интересов. Открытие канала в 1914 году радикально сократило морские расстояния между восточным и западным побережьями страны, повысив оперативную мобильность флота и укрепив позиции США в Западном полушарии.

Не менее важным последствием распространения идей Мэхена стала масштабная модернизация американского военно-морского флота. В начале XX века США приступили к строительству современных линейных кораблей, способных действовать в составе крупных океанских соединений. Символом этого курса стал проект «Дредноут», реализованный Великобританией в 1906 году и положивший начало новому этапу военно-морской гонки. Американская программа строительства линейных кораблей, особенно после прихода Теодора Рузвельта на пост президента в 1901 году, была направлена на создание флота, способного не только защищать побережье, но и демонстрировать американскую силу в удалённых регионах мира.

Таким образом, доктрина Мэхена стала одним из важнейших интеллектуальных оснований перехода США от преимущественно континентальной политики к активной океанской стратегии. Ее практическая реализация проявилась в приобретении заморских территорий, создании системы военно-морских баз, строительстве межокеанского канала и расширении присутствия в Тихоокеанском и Карибском регионах. При этом морская экспансия была тесно связана с задачей обеспечения доступа американского капитала к зарубежным рынкам, прежде всего в Восточной Азии и Латинской Америке.

Испано-американская война (1898)

Конфликт с Испанией стал идеальным предлогом для реализации новой стратегии. К концу XIX века Испанская империя находилась в состоянии глубокого упадка, сузившись до нескольких колониальных владений в Карибском море и Тихом океане. С 1895 года на Кубе бушевала ожесточенная война за независимость. Испанский генерал Валериано Вейлер («Мясник») применил против повстанцев и мирного населения тактику концентрационных лагерей, что привело к гибели сотен тысяч кубинцев от голода и болезней.

Эти события стали поводом для взрывного роста «жёлтой прессы» в США. Медиа-магнаты Уильям Рэндольф Херст (New York Journal) и Джозеф Пулитцер (New York World) развернули агрессивную кампанию по манипулированию общественным мнением, печатая сенсационные и часто вымышленные репортажи об зверствах испанцев. Газеты формировали у американцев стойкое убеждение в необходимости военной гуманитарной интервенции. Ключевым триггером стал взрыв американского броненосца USS Maine на рейде Гаваны 15 февраля 1898 года, в результате которого погибло 266 американских моряков. Несмотря на отсутствие доказательств вины Испании (современные исследования склоняются к версии самовозгорания угольной пыли в отсеке), пресса и империалистическое крыло Конгресса подхватили лозунг «Помни „Мэн“, отправь Испанию в ад!» и 25 апреля 1898 года США официально объявили войну Испании.

Война, которую госсекретарь Джон Хей назвал «блистательной маленькой войной», продолжалась всего 113 дней и продемонстрировала подавляющее технологическое преимущество модернизированного американского флота:

Манильская битва (1 мая 1898): Азиатская эскадра коммодора Джорджа Дьюи за несколько часов полностью уничтожила испанский тихоокеанский флот в Манильской бухте на Филиппинах, не потеряв ни одного корабля.

Битва при Сантьяго-де-Куба (3 июля 1898): Американский флот уничтожил карибскую эскадру адмирала Серверы, пытавшуюся прорваться из блокированной гавани.

В Париже 10 декабря 1898 года был подписан Парижский мирный договор. Испания отказывалась от прав на Кубу, уступала Соединённым Штатам Пуэрто-Рико и остров Гуам, а также передавала США Филиппинский архипелаг за символическую компенсацию в 20 миллионов долларов.

География и механика аннексий

Каждая из захваченных или присоединённых в 1898 году территорий получила уникальный политэкономический и правовой статус, сформировавший сложную мозаику американского неформального империализма.

Гавайские острова

Аннексия Гавайских островов в 1898 году не была напрямую связана с войной против Испании, но стала её прямым стратегическим следствием. Ещё в 1893 году группа американских плантаторов сахарного тростника и бизнесменов при поддержке морской пехоты США свергла последнюю королеву Гавайев Лилиуокалани. Плантаторы создали марионеточную «Республику Гавайи» во главе с Сэндфордом Доулом (будущим основателем ананасовой империи) и потребовали присоединения к США, чтобы обойти американские импортные пошлины на сахар.

Президент Гровер Кливленд (антиимпериалист) заблокировал аннексию, признав переворот незаконным. Однако в 1898 году, на фоне военной паники и необходимости обеспечения снабжения войск на Филиппинах, новый президент Уильям Мак-Кинли аннексировал Гавайи совместной резолюцией Конгресса. Гавайи и глубоководная гавань Перл-Харбор стали главным опорным пунктом США в центральной части Тихого океана.

Куба: Неформальная империя и Поправка Платта

Перед началом войны Конгресс США приняла Поправку Теллера, декларировавшую, что США не имеют намерений аннексировать Кубу и гарантируют ей независимость после установления мира. Однако отдавать Кубу под реальный контроль местных революционеров американская элита не собиралась. После трех лет прямой американской военной оккупации (1898—1902) Кубе была навязана конституция, содержавшая Поправку Платта. Этот документ превратил Кубу в фактический протекторат США. США получили право на прямую военную интервенцию на Кубу для «защиты жизни, собственности и индивидуальных свобод». Кубе запрещалось заключать международные договоры и брать иностранные займы без одобрения Вашингтона. США получили в бессрочную аренду территорию под военную базу в военно-стратегической бухте Гуантанамо. Куба стала моделью для нового типа американского неоколониализма: сохранение внешней атрибутики суверенитета при полном контроле над экономикой, внешней политикой и военной инфраструктурой со стороны американского капитала.

Пуэрто-Рико: Концепция «неинкорпорированной территории»

Высадка американских войск в Пуэрто-Рико в июле 1898 года привела к прямой аннексии острова. В 1900 году Конгресс принял Закон Форакера, установивший гражданское управление островом, при котором губернатор и верхняя палата парламента назначались лично президентом США. Пуэрто-Рико превратилось в колонию особого типа: экономика острова была быстро переориентирована на монокультурное производство сахара для американских корпораций, а местные жители оказались в правовом вакууме.

Филиппины: Кровавая колониальная война

Самой драматичной главой событий 1898 года стала аннексия Филиппинского архипелага (более 7000 островов с 8-миллионным населением). Филиппинские патриоты во главе с Эмилио Агинальдо ведут войну за независимость против Испании ещё с 1896 года. Когда американские войска прибыли в Манилу, Агинальдо провозгласил независимую Филиппин-

скую Республику, рассчитывая, что США выступают в роли освободителей. Однако когда стало понятно, что США выкупили острова у Испании и намерены установить собственную колониальную администрацию, началась вспыхнула Филиппино-американская война (1899—1902).

Эта война по своей жестокости предвосхитила Вьетнамскую войну XX века. Американская армия столкнулась с масштабной партизанской войной и применила жесткие методы подавления. Создание «зон безопасности» (фактически концентрационных лагерей) для изоляции партизан от сельского населения. Массовые пытки задержанных (включая пытку водой). Тактика «выжженной земли» и уничтожение целых деревень (знаменитый приказ генерала Джейкоба Смита на острове Самар: «Превратите Самар в воющую пустыню… Убивайте всех, кто старше десяти лет»).

В ходе войны погибли от 4200 до 6000 американских солдат, около 20 000 филиппинских комбатантов и, по разным оценкам, от 200 000 до 1 000 000 мирных жителей (в основном от голода, эпидемий холеры и карательных акций). Филиппины были покорены и оставались прямой колонией США вплоть до 1946 года, выполняя роль главной операционной базы американского капитала в Восточной Азии.

Гуам: Тихоокеанский узловой пункт

Остров Гуам в архипелаге Марианских островов был захвачен американским крейсером Charleston без единого выстрела. Испанский гарнизон Гуама даже не знал о начале войны и принял салют крейсера за приветствие. Гуам был передан под прямое управление Военно-морского министерства США и превращен в укрепленную угольную и кабельную станцию на пути из Гонолулу в Манилу.

Захват густонаселённых заморских территорий поставил перед Верховным судом США сложнейшую юридическую проблему: распространяется ли Конституция США на новые территории автоматически? Если Конституция распространяется, то жители Филиппин и Пуэрто-Рико должны автоматически получить все гражданские права, право на свободу торговли без пошлин и перспективу превращения их земель в полноценные штаты США.

В серии судебных решений 1901—1904 годов, известных как «Островные дела», Верховный суд США сформулировал новаторскую и откровенно империалистическую правовую доктрину. Суд разделил все территории США на две категории:

1. Инкорпорированные территории: земли, предназначенные для будущей интеграции в состав США в качестве штатов (например, Аляска или Гавайи). На них Конституция действует в полном объеме.

2. Неинкорпорированные территории: территории, принадлежащие Соединённым Штатам, но не входящие в их состав (Пуэрто-Рико, Филиппины, Гуам). Суд постановил, что эти земли являются территорией, принадлежащей Соединённым Штатам, но не являющейся их частью.

Это юридическое казуистическое решение позволило американскому государству управлять колониями без предоставления их населению политических прав и без снятия таможенных пошлин для защиты американских производителей. По выражению одного из современников: «Суд решил, что Конституция не следует за флагом, но суд следует за результатами выборов».

События 1898 года кардинально трансформировали природу американского государства и его место в мировой системе:

1. Завершение континентального этапа: загородный вектор развития «Дикий Запад» окончательно сменился внешнеполитической и заморской экспансией.

2. Мутация институтов: Соединённые Штаты создали гибридную имперскую систему, сочетавшую прямые колониальные владения (Филиппины, Пуэрто-Рико, Гуам) с неколониальными протекторатами (Куба) и зонами экстерриториального влияния.

3. Решение проблемы перепроизводства: американский промышленный и финансовый капитал получил гарантированный доступ к тихоокеанским торговым путям и стратегический трамплин для проникновения на гигантский рынок Китая.

Америка вошла в XX век не просто как богатая экономика, а как молодая, агрессивная и технологически оснащённая имперская держава. Сформировав свой первый заморский периметр, США были готовы к следующему шагу — установлению монопольного доминирования над всем Западным полушарием и продвижению принципа «открытых дверей» в Евразии.

Глава 5. Доктрина Монро

К началу XX века внешнеполитическая стратегия Соединённых Штатов претерпела фундаментальную трансформацию. Если весь XIX век прошел под знаком освоения собственного континента, то на рубеже веков перед Вашингтоном встала новая задача: превратить все Западное полушарие в эксклюзивную, замкнутую и неприкосновенную зону американского влияния. Инструментом этой интеграции стала эволюция Доктрины Монро — юридического и идеологического фундамента американской внешней политики, который за 80 лет прошел путь от скромного декларативного предупреждения европейским державам до агрессивной концепции прямого военного и финансового протектората.

Сформулированная президентом Джеймсом Монро (при определяющем участии госсекретаря Джона Куинси Адамса) в 1823 году, доктрина возникла как ответ на угрозу интервенции Священного союза для восстановления испанского владения в Латинской Америке. Она базировалась на трех тезисах:

1. Неколонизация: Американские континенты более не рассматриваются как объект для будущей колонизации европейскими державами.

2. Две сферы: Политическая система Нового Света принципиально отлична от монархической системы Европы.

3. Невмешательство: США обязуются не вмешиваться во внутренние дела европейских государств и их существующих колоний в обмен на аналогичный отказ Европы от вмешательства в дела независимых государств Америки.

В 1823 году у молодой США не было ни флота, ни армии, чтобы реативно обеспечить выполнение этой доктрины. Единственной реальной силой, защищавшей Латинскую Америку от Священного союза, был британский Королевский флот, которому Британия открывала рынки освободившихся испанских колоний. Доктрина Монро долгое время оставалась лишь политическим мнением.

В декабре 1904 года в ежегодном послании Конгрессу президент Теодор Рузвельт внес в Доктрину Монро радикальную поправку, перевернувшую её смысловой вектор. Поводом стал Венесуэльский кризис 1902—1903 годов, когда военно-морские эскадры Великобритании, Германии и Италии блокировали порты Венесуэлы и начали их обстрел, вымогая уплату государственных долгов. Рузвельт осознал: если латиноамериканские страны оказываются неспособны выплачивать долги европейским кредиторам, европейские державы используют это как легитимный предлог для военной оккупации и захвата таможен, что приведет к восстановлению европейского колониализма в Новом Свете.

Чтобы перекрыть Европе эту лазейку, Рузвельт сформулировал «Следствие Рузвельта»: Если какая-либо страна Западного полушария демонстрирует «хроническую недееспособность или развал государственного порядка», Соединённые Штаты, в рамках Доктрины Монро, вынуждены взять на себя функции международной полицейской силы для восстановления порядка и принуждения к исполнению долгов. Отныне Доктрина Монро из щита, защищавшего Латинскую Америку от Европы, превратилась в меч, дававший США формальное право на оккупацию любой страны региона. Появилась знаменитая формула Рузвельта: «Говори мягко, но держи в руках большую дубинку».

Закрытие полушария для Европы

Специфика американского империализма в Западном полушарии заключалась в том, что США не стремились к прямому юридическому присоединению большинства латиноамериканских государств, что потребовало бы наделения их населения правами граждан США. Вместо этого была создана система выталкивания Европы через финансовый протекторат.

Механизм закрытия региона для европейцев состоял из трех последовательных шагов:

Шаг 1. Перехват долговых обязательств

Когда европейские державы предъявляли ультиматумы латиноамериканским правительствам из-за дефолтов по облигациям, в дело вступали финансовые консорциумы Уолл-стрит (J.P. Morgan & Co., Kuhn, Loeb & Co., National City Bank). При поддержке Госдепартамента США американские банки выкупали долги латиноамериканских стран у европейских держателей в Лондоне, Париже и Франкфурте. Тем самым европейский политический предлог для интервенции полностью аннулировался — долг становился внутренним американским вопросом.

Шаг 2. Захват таможен

Поскольку единственным стабильным источником валютных доходов для большинства стран Карибского бассейна и Центральной Америки были таможенные пошлины на импорт и экспорт, США брали таможенную службу этих стран под прямой контроль. Американские офицеры и финансовые агенты вставали на таможенных постах, изымали до 55—60% всех поступающих доходов для прямых выплат банкам Уолл-стрит, а остатки передавали местному правительству на содержание чиновников и полиции.

Шаг 3. Блокирование инфраструктуры

Европейским компаниям и правительствам категорически запрещалось получать в аренду или собственность стратегические объекты в регионе: морские гавани, участки под строительство каналов, котельные станции и телеграфные линии. Любая попытка европейцев закрепиться в Карибском море расценивалась Вашингтоном как враждебный акт против Соединённых Штатов.

Операция «Панама»

Создание Панамского канала стало центральным звеном геостратегии США. Канал был необходим не только для мировой торговли, но и для реализации военно-морской доктрины Мэхена: он позволял ВМС США мгновенно перебрасывать флоты между Атлантическим и Тихим океанами, не огибая мыс Горн (что сокращало путь с 14 000 до 5 000 миль).

Устранение Великобритании (Договор Хея — Паунсфота, 1901)

По договору Клейтона — Булвера 1850 года США и Великобритания обязывались строить любой межокеанский канал только совместно. В 1901 году, пользуясь тем, что Британия была втянута в Англо-бурскую войну и искала союза с США против растущей германской угрозы, госсекретарь Джон Хей добился подписания договора Хея — Паунсфота. Британия отказалась от претензий на участие в строительстве канала и передала США исключительное право на его постройку, укрепление и военную защиту. Европа была окончательно выбита из межокеанского проекта.

Сговор и силовое отторжение Панамы от Колумбии (1903)

Территория Панамского перешейка входила в состав суверенного государства Колумбия. В январе 1903 года США подписали с колумбийским дипломатом договор Хея — Эррана о передаче США в аренду полосы земли под канал. Однако Сенат Колумбии единогласно отверг договор, посчитав сумму компенсации ($10 млн) заниженной, а условия — ущемляющими национальный суверенитет. Реакция Теодора Рузвельта была молниеносной. Не желая вести дальнейшие переговоры с Боготой, администрация США вступила в сговор с руководством французской «Новой компании Панамского канала» представленной Филиппом Бюно-Варильей и местной панамской сепаратистской элитой во главе с Мануэлем Амадором.

Механика «революции» 3 ноября 1903 года проходила по следующей схеме:

В панамском порту Колон высадилась группа сепаратистов, провозгласивших независимость Республики Панама. К берегам Панамы подошел американская военно-морская эскадра во главе с броненосцем USS Nashville. Американские войска и администрация подчиненной

США Панамской железной дороги физически заблокировали передвижение колумбийских войск, прибывших для подавления мятежа, и подкупили колумбийский гарнизон на месте. Спустя всего 60 часов после начала «революции» Соединённые Штаты официально признали независимость Панамы.

Договор Хея — Бюно-Варильи (18 ноября 1903)

Уже через 15 дней после «революции» от имени Панамы француз Бюно-Варилья (даже не являвшийся гражданином Панамы, но назначенный её посланником) подписал с США договор, по которому Соединённым Штатам передавалась в вечное владение Зона Панамского канала шириной 10 миль. США получили в этой зоне полный суверенитет, право возводить любые фортификации и право вводить войска в любую точку Панамы для поддержания порядка. Колумбии впоследствии пришлось смириться с фактической потерей провинции. Канал был открыт в 1914 году, превратившись в ключевой инфраструктурный узел американской глобальной гегемонии XX века.

Карибский бассейн и Центральная Америка

После 1903 года Карибское море окончательно получило статус «Внутреннего американского озера». Карибский бассейн и Центральная Америка превратились в полигон для непрерывных военных интервенций Корпуса морской пехоты США, действовавшего в интересах американского финансового и корпоративного капитала.

Преемник Рузвельта, Уильям Говард Тафт (1909—1913), сформулировал новую модификацию доктрины, известную как «Долларовая дипломатия»: «Замена пуль долларами». Суть политики заключалась в активном использовании Государственного департамента США как инструмента для продвижения интересов американских корпораций и банков. В случае возникновения угрозы американским инвестициям «доллары» мгновенно снова превращались в «пули».

Ярким выражением этой эпохи стало превращение государств Центральной Америки (Гондурас, Гватемала, Коста-Рика, Никарагуа) в так называемые «банановые республики». Бостонская корпорация United Fruit Company (UFC), созданная в 1899 году путем слияния фруктовых и транспортных компаний, превратилась в фактического теневого суверена региона. UFC скупила или получила в качестве бесплатных концессий миллионы гектаров лучших сельскохозяйственных земель. Компания контролировала всю железнодорожную инфраструктуру, порты, заводы и телеграфные линии Центральной Америки. UFC формировала и свергала правительства: когда президент Гондураса Мигель Давила попытался ограничить концессии компании и взять кредит у британских банков, совладелец фруктовой компании Cuyamel Fruit Сэмюэл Земюррэй нанял отряд американских наемников, предоставил им корабль с оружием и в 1911 году организовал государственный переворот, посадив в кресло президента Гондураса марионеточного генерала Мануэля Бонилью.

В начале XX века США значительно усилили своё политическое, экономическое и военное влияние в Центральной Америке и Карибском бассейне. Под предлогом защиты американских граждан, восстановления порядка и обеспечения стабильности Вашингтон неоднократно вмешивался во внутренние дела независимых государств региона. Главными целями были защита американских инвестиций, контроль над стратегическими морскими путями и предотвращение усиления влияния европейских держав.

Никарагуа (1912—1933)

В 1909 году националистический президент Хосе Сантос Селая попытался проводить независимую внешнюю политику: начал переговоры с Германией и Японией о строительстве альтернативного межокеанского канала и отказался от американского займа. США поддержали восстание консерваторов против его правительства. После казни двух американских наёмни-

ков, участвовавших в мятеже, Вашингтон разорвал дипломатические отношения с Никарагуа, а американская морская пехота высадилась в стране. Селая был вынужден уйти в отставку.

В 1914 году новое правительство подписало договор Брайана — Чаморро, по которому США за 3 млн долларов получили исключительные права на строительство межокеанского канала через Никарагуа, а также права на создание военно-морских баз. Договор позволял Вашингтону препятствовать появлению альтернативного Панамскому каналу маршрута. Американское военное присутствие сохранялось с небольшим перерывом до 1933 года. Оно вызвало масштабное национально-освободительное сопротивление под руководством Аугусто Сесара Сандино, который возглавил партизанскую борьбу против американских войск.

Гаити (1915—1934)

В 1915 году, после убийства президента Вильбруна Гийома Сама, США под предлогом восстановления порядка оккупировали Гаити. Американские морские пехотинцы заняли столицу Порт-о-Пренс и установили контроль над государственным управлением и финансами страны. Американские военные вывезли золотой запас Национального банка Гаити на сумму около 500 тысяч долларов в хранилище National City Bank в Нью-Йорке.

В период оккупации американская администрация добилась изменения конституции, отменившей запрет на владение землёй иностранцами. Над её подготовкой работал будущий президент США Франклин Делано Рузвельт, занимавший тогда должность помощника министра военно-морских сил. Это открыло американским компаниям дополнительные возможности для приобретения земель и инвестиций. Оккупация сопровождалась принудительным трудом, репрессиями и подавлением крестьянского восстания какос. Американские войска жестоко боролись с вооружённым сопротивлением, в результате чего погибли тысячи гаитян. Оккупация продолжалась до 1934 года, несмотря на многочисленные протесты населения и критику со стороны международной общественности.

Доминиканская Республика (1916—1924)

В 1916 году США установили в стране прямое военное управление. Американская администрация распустила конгресс, ввела цензуру и передала контроль над государственными доходами военным властям США. Фактически страна лишилась самостоятельного управления, а её финансовая система оказалась под американским контролем.

Американская оккупация вызвала вооружённое сопротивление, особенно в восточных районах страны, где действовали партизанские отряды «гавильерос». Они выступали против иностранного военного присутствия и утраты национального суверенитета. Американские войска проводили операции против повстанцев, сопровождавшиеся репрессиями и насилием в отношении местного населения. Для укрепления своего влияния США создали Национальную гвардию, находившуюся под американским руководством. В 1922 году было заключено соглашение Хьюза — Пейнадо, предусматривавшее восстановление доминиканского самоуправления. В 1924 году американские войска покинули страну. Однако созданная при оккупации Национальная гвардия сохранила значительное влияние и впоследствии стала опорой Рафаэля Трухильо, захватившего власть в 1930 году и установившего многолетнюю диктатуру.

Оккупации Никарагуа, Гаити и Доминиканской Республики стали частью американской политики экспансии в Западном полушарии. Она сочетала элементы «дипломатии большой дубинки» и «дипломатии доллара»: военную силу использовали для обеспечения экономических интересов США, контроля над государственными финансами и установления политически выгодных режимов. Основными стратегическими задачами Вашингтона были обеспечение безопасности Панамского канала, контроль над Карибским бассейном, защита американских инвестиций и недопущение усиления европейского влияния в регионе. Несмотря на формальное восстановление независимости оккупированных государств, последствия интервенций сохранялись десятилетиями. США оставили после себя зависимые финансовые системы, подконтрольные военные структуры и политические институты, которые нередко станови-

лись инструментами авторитарных режимов. В ответ на иностранное вмешательство усиливались националистические и антиамериканские движения, требовавшие восстановления полного государственного суверенитета.

Американская политика начала XX века продемонстрировала противоречие между провозглашёнными принципами демократии и самоопределения народов и практикой прямого военного вмешательства, экономического давления и политического подчинения государств Латинской Америки.

Механизм институционализации «Заднего двора»

К 1920-м годам Соединённые Штаты сформировали многоуровневую систему абсолютного контроля над Латинской Америкой, превратив весь континент в стратегический тыл и сырьевую базу американского капитала:

1. Военно-стратегический периметр: Прямой контроль над ключевыми морскими проливами и узлами (Панамский канал, базы в Гуантанамо, Пуэрто-Рико, Корн-Айлендс в Никарагуа).

2. Финансовый протекторат: Контроль центральных банков, таможен и налоговых систем большинства стран Карибского бассейна банками Уолл-стрит.

3. Создание туземных силовых структур: Вместо постоянного содержания собственной морской пехоты США начали формировать, вооружать и обучать подконтрольные Национальные гвардии. Из рядов руководителей этих гвардий выросла целая плеяда проамериканских диктатур XX века — Анастасия Сомоса в Никарагуа, Рафаэль Трухильо в Доминиканской Республике, Фульхенсио Батиста на Кубе.

Европейский капитал был планомерно вытеснен из региона. Британские, немецкие и французские инвесторы, доминировавшие в Латинской Америке в XIX веке, к началу 1920-х годов были замещены американскими корпорациями и финансовыми институтами.

Трансформация Доктрины Монро от 1823 к 1904 году завершила процесс превращения Западного полушария в эксклюзивную, стратегически замкнутую территорию США — их «задний двор»:

1. Закрытие континента: Соединённые Штаты успешно заблокировали любую возможность возвращения европейских держав в Латинскую Америку, выстроив сочетание финансовой выемки долгов и военной силы.

2. Геополитический замок: Постройка Панамского канала соединила два океанских фасада США, превратив американскую нацию в доминирующую военно-морскую силу мира.

3. Создание модели неоколониализма: В Карибском бассейне США выработали гибкую модель управления — сочетание формального суверенитета местных государств с полным внешним контролем над их экономикой, внешней политикой и силовыми структурами.

Обеспечив себе абсолютный, неприкосновенный тыл в Западном полушарии и гарантировав безопасность обоих своих океанских побережий, Соединённые Штаты завершили подготовку к выходу на главную сцену мировой политики. Когда в 1914 году в Европе вспыхнула Первая мировая война, США обладали всем необходимым потенциалом — гигантской промышленностью, финансовой монополией, мощным флотом и защищенным континентальным плацдармом — чтобы диктовать свои условия ослабевшим европейским империям.

Часть III. 1914—1945 — Момент, когда мир переворачивается

Глава 6. Великий трансфер мировой финансовой гегемонии

В августе 1914 года Соединенные Штаты Америки являлись крупнейшим в мире чистым должником. Американская инфраструктура — от железных дорог до сталелитейных гигантов — финансировалась европейским капиталом. США задолжали иностранным инвесторам (преимущественно из Сити Лондона) около 3,7 миллиарда долларов.

К 1919 году в результате Первой мировой войны геоэкономический ландшафт был полностью переписан. Соединенные Штаты превратились в главного чистого кредитора планеты: мировое общество задолжало американскому государству и частным институтам Уолл-стрит более 12 миллиардов долларов. Финансовый центр тяжести окончательно сместился из Лондона в Нью-Йорк, а британский фунт стерлингов впервые уступил позицию незыблемого якоря международной торговли американскому доллару.

Накануне войны Сити Лондона был «кондуктором оркестра мировой экономики». Международный золотой стандарт работал через лондонский рынок векселей. Любая крупная сделка между странами — от продажи аргентинской говядины до закупок бразильского кофе — расплачивалась фунтами через британские торговые банки.

Начало войны в августе 1914 года спровоцировало паралич международной финансовой системы:

1. Бегство в золото: Европейские инвесторы начали массово распродавать американские акции и облигации, требовав репатриации капитала в виде физического золота.

2. Паника на Нью-Йоркской фондовой бирже: Чтобы остановить лавинообразное обесценивание активов и уход золота в Европу, фондовая биржа закрылась 31 июля 1914 года и оставалась закрытой почти четыре месяца (до декабря).

3. Федеральная резервная система встает на ноги: Запутанность ситуации усугублялась тем, что закон о ФРС был принят лишь в декабре 1913 года, и региональные резервные банки открылись только в ноябре 1914 года. ФРС сдала свой первый экстренный экзамен, выпустив так называемые «аварийные деньги» (Emergency Currency в рамках закона Олдрича — Врил-энда) на сумму более $380 млн, предотвратив банковский крах внутри США.

Частная финансовая дипломатия (1914—1917)

В первые месяцы войны госсекретарь США Уильям Дженнингс Брайан занимал жесткую пацифистскую позицию: «Займы нейтральной страны воюющим державам противоречат духу нейтралитета». Однако экономическая реальность быстро сломала моральный барьер.

К началу 1915 года американское сельское хозяйство и промышленность столкнулись с гиперинфляционным избытком товаров: Европа была готова скупать всё — от пшеницы и хлопка до пороха и стали. Если бы США не предоставили европейцам кредиты для покупки этих товаров, американская экономика рухнула бы в глубокую рецессию.

В январе 1915 года правительство Великобритании и банк J.P. Morgan & Co. под руководством Джека Моргана подписали секретное соглашение. Банк Моргана был назначен эксклюзивным коммерческим агентом для правительства Великобритании в США, а вскоре аналогичный контракт был подписан и с Францией.

Механика работы «синдиката Моргана»:

Закупочный монополизм: Дом Моргана контролировал все военные заказы союзников в Северной Америке. Из своего офиса на Уолл-стрит, 23, Морган распределял контракты на миллиарды долларов среди американских корпораций (DuPont, U.S. Steel, Bethlehem Steel, General Electric).

Контроль цен и логистики: Морган не просто покупал товары — он определял цены на сырье, нанимал корабли, застраховал грузы и выстроил крупнейшую в истории частную логистическую цепочку. К 1917 году банк Моргана проводил закупки на сумму около 10 миллионов долларов в день.

Англо-французский заем 1915 года: Чтобы финансировать эти закупки, синдикат из 61 залогового банка во главе с J.P. Morgan разместил на рынке США облигации Великобритании и Франции на сумму 500 миллионов долларов. Это была крупнейшая публичная эмиссия иностранных ценных бумаг в истории Уолл-стрит на тот момент.

До вступления США в войну Дом Моргана закупил для Антанты снаряжения и продовольствия более чем на 3 миллиарда долларов, получив гигантские комиссионные (1% от объёма закупок) и фактически связав судьбу крупнейших банков и корпораций США с военной победой Великобритании и Франции. Заказы Антанты превратили США в индустриальный кулак планеты. Американский экспорт вырос с $2,3 млрд в 1914 году до $6,2 млрд в 1917 году.

Прежде чем получать масштабные кредиты, союзники платили физическим золотом. Для оплаты военных поставок Великобритания и Франция выгребали резервы своих центральных банков. Золото отправлялось на британских крейсерах через Атлантику в канадский Галифакс, оттуда в специальных бронированных поездах отгружалось в Нью-Йорк — в хранилища Assay Office и Federal Reserve Bank of New York. К 1917 году США сконцентрировали у себя более 40% мирового монетарного запаса золота. Это создало колоссальную базу для расширения банковского кредита внутри США и заложило основу для финансового бума 1920-х годов.

Перелом 1917 года: Военные займы и социализация риска

К началу 1917 года финансовый механизм частного кредитования исчерпал себя. У Великобритании и Франции заканчивались британские и американские ценные бумаги, которые они могли предоставить банком Моргана в качестве залога. Задолженность перед J.P. Morgan & Co достигала опасных пределов. Поражение Антанты означало бы неизбежное банкротство важнейших банков Уолл-стрит и крах американской промышленности.

Вступление США в войну в апреле 1917 года перевело систему финансирования с частокорпоративных рельсов на государственно-суверенные. Министерство финансов США под руководством Уильяма Макэду выпустило пять последовательных выпусков государственных облигаций. Через агрессивную пропагандистскую кампанию с привлечением голливудских звезд, таких как Чарли Чаплин, и тысяч лекторов «Four-Minute Men» правительство США мобилизовало денежные средства рядовых американцев:

1. Из суммы около $21,5 млрд, полученной от продажи государственных облигаций, более $10 млрд были напрямую перегарантированы и выданы в виде суверенных кредитов правительствам Великобритании, Франции, Италии, Бельгии и других союзников.

2. США выкупили и погасили частные обязательства Антанты перед банком J.P. Morgan & Co., тем самым спасши Уолл-стрит от системного риска и переложив долги Европы на американских налогоплательщиков и суверенные балансы.

Война окончательно разрушила классический Золотой стандарт XIX века. Великобритания, бывшая кредитором мира на протяжении столетия, превратилась в должника Соединенных Штатов. Став главным кредитором планеты, Соединенные Штаты совершили роковую политэкономическую ошибку: они отказались вести себя как кредитор.

В XIX веке Великобритания, будучи кредитором, поддерживала режим свободной торговли, позволяя странам-должникам поставлять свои товары на британский рынок и тем самым зарабатывать фунты для выплаты долгов. США в 1920-е годы, напротив, закрыли свой рынок высокими протекционистскими тарифами 1922 года. Европейские державы не могли расплатиться с США товарами. Единственным способом выплачивать американские долги для Великобритании и Франции стали немецкие репарации, а для Германии единственным способом платить репарации стали новые займы на Уолл-стрит.

Так Первая мировая война завязала гигантский долговой узел (США ➔ Антанта ➔ Германия ➔ Банки Уолл-стрит), разрыв которого в 1929 году приведет к Великой депрессии и Втором мировой войне.

Бернард Барух и WIB

Вступление США в Первую мировую войну в апреле 1917 года поставило перед американским капитализмом беспрецедентный вызов. Традиционный рыночный механизм, основанный на свободной конкуренции и децентрализованном ценообразовании, оказался неспособен обеспечить мгновенную мобилизацию гигантской экономики для ведения тотальной войны за океаном. Результатом решения этой проблемы стало создание Совета по военной промышленности (War Industries Board, WIB) — института, который за полтора года кардинально перестроил отношения между американским государством и крупным бизнесом, заложив институциональный фундамент корпоративного капитализма XX века.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.